

УДК: 343.85:94(47+57)

КАМПАНИЯ ПО БОРЬБЕ С ПРАВОНАРУШЕНИЯМИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ (1983–1984 ГГ.)

Романов Никита Александрович
Учитель истории и обществознания МБОУ «Гимназия №13» г. Ульяновск

Паушкина Ирина Вениаминовна
Учитель истории и обществознания МБОУ «Гимназия №13» г. Ульяновск

Аннотация:

Статья посвящена анализу кампании по профилактике правонарушений несовершеннолетних в Ульяновской области в 1983–1984 годах. На основе архивных материалов местных партийных комитетов (обкома, горкомов и райкомов КПСС) рассматривается реализация постановления бюро обкома от 13 сентября 1983 г. как характерный пример управленческой практики позднего СССР. В центре внимания — механизмы превращения социальной политики в формальные мероприятия. Доказывается, что основными продуктами кампании стали не реальное снижение подростковой преступности, а бесконечные планы, отчёты и заседания, соответствовавшие идеологическому языку и административным ожиданиям вышестоящих инстанций. Несмотря на декларируемую комплексность, усилия органов власти зачастую носили демонстративный характер, что приводило к противоречию между риторикой успеха в документах и признанием роста правонарушений на местах. Статья вносит вклад в изучение повседневных бюрократических практик и функционирования власти на региональном уровне в эпоху «застоя».

Ключевые слова:

профилактика правонарушений, несовершеннолетние, Ульяновская область, партийные документы, социальный контроль.

Romanov Nikita Aleksandrovich
History and Social Studies Teacher, MBOU "Gymnasium No. 13", Ulyanovsk

Paushkina Irina Veniaminovna
History and Social Studies Teacher, MBOU "Gymnasium No. 13", Ulyanovsk

Annotation:

This article examines the campaign for the prevention of juvenile delinquency in Ulyanovsk Oblast during 1983–1984. Drawing on archival materials from local party committees (the regional committee, city committees, and district committees of the CPSU), it analyzes the implementation of the regional committee bureau's decree of September 13, 1983, as a characteristic example of managerial practice in the late Soviet era. The focus is on the mechanisms through which social policy was transformed into formal, procedural activities. It is argued that the main outcomes of the campaign were not an actual reduction in juvenile crime, but rather endless plans, reports, and meetings that conformed to ideological language and the administrative expectations of higher authorities. Despite proclaimed comprehensiveness, the efforts of state bodies often took on a demonstrative character, leading to contradictions between the rhetoric of success in official documents and the acknowledgment of rising delinquency at the local level. The article contributes to the study of everyday bureaucratic practices and the functioning of power at the regional level during the era of “stagnation.”

Keywords:

crime prevention, juveniles, Ulyanovsk Oblast, party documents, social control.

Изучение механизмов реализации социальной политики на местах является ключевым для понимания природы позднесоветского государства. Кампании, инициированные «сверху», служили не только инструментом решения декларируемых проблем, но и важнейшей формой коммуникации между уровнями власти, демонстрацией активности и лояльности. Данная статья исследует одну из таких кампаний — работу по «улучшению воспитания и предупреждению правонарушений среди несовершеннолетних» в Ульяновской области в 1983–1984 гг.

На основании архивных отчетов городских и районных комитетов КПСС предметом анализа становятся не столько реальные показатели подростковой преступности, сколько сама бюрократическая реальность: язык документов, формальные практики отчетности и противоречие между риторикой тотального контроля и признаваемой неэффективностью. Понятие «формальность» используется здесь как аналитическая категория, обозначающая подмену содержательной работы по решению социальной проблемы выполнением предписанного набора административных действий (составление планов, проведение заседаний, организация рейдов), значимых самих по себе в системе партийно-советского управления.

В современной историографии вопросы социального контроля, молодежной политики и функционирования местных органов власти в позднем СССР нашли отражение в работах ряда исследователей. Общие подходы к изучению советской повседневности и роли партийных кампаний в жизни провинции рассматриваются в трудах Ю.А. Городнова [1]. Институциональные аспекты, в частности деятельность комиссий по делам несовершеннолетних и органов внутренних дел, проанализированы в исследованиях Е.Р. Ярской-Смирновой и П.В. Романова [2]. Конструирование категорий «трудных» подростков и государственные стратегии работы с детством в позднесоветский период освещены в коллективных монографиях под редакцией В.С. Жиромской [4]. Проблема

разрыва между официальными установками и реальной практикой на региональном уровне поднимается в работах А.Н. Дударенка на материалах БССР. Несмотря на наличие этих исследований, ход и специфика реализации конкретных профилактических кампаний на уровне области, города и района, их внутренняя бюрократическая логика и механизмы формирования отчетности требуют дополнительного изучения. Настоящая статья призвана восполнить этот пробел на примере Ульяновской области.

Источниковую базу исследования составляют неопубликованные архивные документы из фондов Государственного архива новейшей истории Ульяновской области (ГАНИ УО), в первую очередь – информационные отчеты городских и районных комитетов КПСС (Железнодорожного, Заволжского, Димитровградского, Мелекесского) о выполнении указанного постановления обкома. Данные документы, создававшиеся для отчета перед вышестоящей инстанцией, являются репрезентативным источником для анализа административного языка, приоритетов местных властей и имманентных противоречий в их деятельности.

Методологическую основу работы составляют принципы историзма и системности. В исследовании применяются методы институционального анализа, позволяющие реконструировать структуры и процедуры, вовлеченные в кампанию, а также элементы дискурс-анализа, направленные на выявление ключевых понятий, риторических стратегий и оценочных суждений в текстах отчетов.

Целью статьи является демонстрация того, как комплексная задача профилактики правонарушений несовершеннолетних на практике сводилась к формальному исполнению бюрократических процедур в контексте позднесоветской региональной управленческой модели. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: реконструировать общий ход кампании и взаимодействие различных институтов; проанализировать систему отчетных показателей и язык

документов; выявить и интерпретировать внутренние противоречия в отчетах, свидетельствующие о подмене содержательной работы демонстративной активностью.

Научная новизна исследования заключается во введении в научный оборот нового комплекса архивных материалов по Ульяновской области и в микроуровневом анализе одной конкретной кампании, что позволяет наглядно показать механизмы воспроизводства формализма в социальной политике позднего СССР.

Импульсом к началу кампании стало постановление бюро Ульяновского обкома КПСС от 13 сентября 1983 г. № 66, обязывающее партийные, советские и общественные организации принять «дополнительные меры» по улучшению воспитания и профилактики правонарушений среди несовершеннолетних [7, л. 1]. Как показывает анализ отчётов, реакция на местах была мгновенной и стереотипной. Первым и основным шагом стало не изучение специфики подростковой девиантности в районе, а выполнение предписанного административного ритуала: «Постановление обкома КПСС обсуждено на заседании бюро райкома, были разработаны и утверждены комплексные мероприятия» [7, л. 1].

Кампания сразу приобрела характер всеобъемлющей, но замкнутой на себя бюрократической деятельности. Создавался разветвлённый институциональный каркас для её реализации. Помимо партийных комитетов всех уровней (от бюро райкомов до партбюро училищ), ключевыми участниками стали исполкомы Советов, комиссии по делам несовершеннолетних (КДН), инспекции по делам несовершеннолетних (ИДН) органов внутренних дел, комсомольские и профсоюзные организации [8, л. 5]. Их взаимодействие формализовывалось через «совместные планы работы», которые, по сути, дублировали друг друга. Так, в Димитровградском горкоме работа велась «согласно комплексного

плана мероприятий на 1983 год, в котором были скоординированы усилия» всех перечисленных структур [8, л. 5].

Центральным элементом кампании стало бесконечное тиражирование обсуждений. Вопрос «прорабатывался» на заседаниях бюро райкомов и горкомов, исполкомов, партийных и комсомольских собраний в коллективах, педагогических советов, заседаниях КДН [7, л. 3; 8, л. 5–6]. В отчётах перечисление этих мероприятий служило главным доказательством проделанной работы. Например, в Димитровграде за год провели 35 заседаний КДН, в том числе 12 выездных [8, л. 6]. В Заволжском районе комиссия собралась 37 раз [9, л. 11]. Количественные показатели (число заседаний, рассмотренных вопросов, прочитанных лекций) вытесняли качественную оценку ситуации. Само по себе «рассмотрение» проблемы на очередном совещании воспринималось как шаг к её решению, что является ярким признаком формального подхода.

Анализ языка отчётных документов позволяет выявить ключевые риторические стратегии, с помощью которых местные власти конструировали образ успешной деятельности. Доминирующим является нарратив тотального охвата и контроля. Повсеместно используются глаголы, обозначающие всеобъемлющее действие: «обсуждено», «рассмотрено», «организовано», «проведено», «усилено», «скоординировано» [7, л. 1–2; 8, л. 5]. Описание мероприятий часто даётся в пассивном залоге («проведены рейды», «организованы клубы»), что создаёт эффект безличного, но неуклонного функционирования системы.

Важным элементом языка было сочетание декларации успехов с ритуальным самообличением. С одной стороны, отчёты пестрят указаниями на выполнение планов и положительные тенденции. Например, в Железнодорожном районе план направления учащихся в ПТУ выполнен на 103%, «проведенная работа позволила ... не допустить в районе роста преступности» [7, л. 2–3]. С другой стороны, каждый документ завершается или содержит раздел о «недостатках», который также носит формальный,

шаблонный характер. Типичными являются формулировки: «не всегда своевременно выявляются», «имеются недостатки», «не в полной мере осознают» [7, л. 3; 8, л. 8]. Признание этих недостатков не отменяло общую положительную оценку работы, а, наоборот, встраивалось в ритуал отчётности, демонстрируя «критический» и «требовательный» подход руководства.

Наиболее показательным является контраст между утверждениями об успехе и приводимой в тех же документах статистикой. Так, в отчёте Димитровградского горкома после перечисления масштабной профилактической работы констатируется: «Несмотря на проводимую в комплексе профилактическую работу преступность несовершеннолетних в 1983 году в сравнении с 1982 годом по городу возросла» (с 77 до 106 преступлений) [8, л. 8]. Аналогично, в Железнодорожном районе, где «не допущен рост преступности», сообщается о совершённых 4 преступлениях [7, л. 3]. Такое противоречие не смущало составителей, ибо истинной целью документа было не отражение объективной реальности, а демонстрация факта активной работы в рамках заданной кампании.

Несмотря на старания аппарата представить кампанию как слаженный механизм, в отчётах неизбежно проступали системные проблемы, которые нельзя было скрыть за риторикой.

В отчёте Железнодорожного района прямо указано на катастрофический провал: «План направления выпускников 10 классов в систему ТУ выполнен лишь на 38%» [7, л. 3]. Это свидетельствовало о глубоком кризисе престижа рабочих профессий и неэффективности всего массива пропагандистских мероприятий (экскурсий, лекций для родителей). Кампания могла формально выполнить план по ПТУ за счёт выпускников 8-х классов, но не могла преодолеть социальные тенденции.

В двух из четырёх представленных отчётов констатируется рост подростковой преступности (Димитровград, Мелекесский район) [8, л. 8; 10,

л. 15]. Причины этого в документах объясняются не социально-экономическими факторами, а всё теми же «недостатками» в работе самих органов: «факты формализма», «не обеспечена тесная связь обучения и воспитания» [8, л. 8]. Таким образом, системная проблема интерпретировалась как следствие плохого исполнения инструкций, что требовало не изменения подхода, а нового витка административного давления – разработки ещё одного «комплексного плана на 1984 год» [8, л. 9].

Отчёты сообщают о сотнях «трудных» подростков, поставленных на учёт, и десятках закреплённых за ними общественных воспитателей, шефов и наставников [9, л. 11]. Однако эта практика, призванная быть индивидуальной, сама становилась конвейерной. В Димитровграде отмечается, что воспитателей теперь подбирают не из учителей, а «из депутатов горсовета, работников ГОВД, коммунистов и комсомольцев», а их кандидатуру «в обязательном порядке утверждает» комиссия [8, л. 7]. Индивидуальная помощь превращалась в формальную обязанность, распределяемую сверху, что ставило под сомнение её действенность.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что кампания по профилактике правонарушений несовершеннолетних в Ульяновской области 1983–1984 гг. являлась классическим образцом бюрократического формализма эпохи позднего СССР. Её основным содержанием стало не решение социальной проблемы подростковой девиантности, а точное воспроизводство предписанных административных ритуалов: незамедлительное обсуждение директивы, разработка многочисленных планов, организация бесчисленных заседаний и отчётных мероприятий.

Институциональный каркас кампании, включавший партийные, советские, правоохранительные и общественные органы, был ориентирован не столько на внешний результат, сколько на внутреннюю коммуникацию и демонстрацию лояльности вышестоящей инстанции. Язык отчётных документов конструировал образ тотального контроля и успеха, где

ключевыми показателями были не снижение преступности, а количество проведённых мероприятий и факт «проработки» вопроса на всех уровнях.

Однако в рамках этой отлаженной системы отчётности неизбежно проявлялись системные сбои: провал в профориентации выпускников средних школ, фиксируемый рост преступности в отдельных городах и районах, механистичность так называемой индивидуальной работы. Эти противоречия не приводили к пересмотру подхода, а лишь служили основанием для нового цикла планирования и отчётности. Таким образом, профилактика правонарушений превратилась в самодостаточную формальность – сложную бюрократическую деятельность, значимую в рамках системы управления, но всё более оторванную от реальных социальных процессов, которые она была призвана регулировать. Данный случай наглядно иллюстрирует характерный для позднесоветского периода синдром подмены целей средствами, когда процесс управления становился важнее его конечного результата.

Список источников и литературы

1. Городнов Ю.А. Повседневность и политика: общественная жизнь российской провинции в 1953–1991 гг. – М.: РОССПЭН, 2021. – 456 с.
2. Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В. Социальное государство и социальный контроль в СССР: институты, практики, идеологии. – М.: Вариант, 2018. – 312 с.
3. Советское детство: политики, практики, повседневность / под ред. В.С. Жиромской. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021. – 398 с.
4. Дударенок А.Н. Борьба с детской безнадзорностью в Белорусской ССР в 1970-е – 1980-е гг.: риторика и реальность // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. – 2019. – № 11. – С. 34–41.

5. Государственный архив новейшей истории Ульяновской области (ГАНИ УО). Ф. 8. Оп. 87. Д. 131. Л. 1–3. Информация Железнодорожного райкома КПСС г. Ульяновска.

6. ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 87. Д. 131. Л. 5–9. Информация Димитровградского горкома КПСС.

7. ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 87. Д. 131. Л. 10–12. Информация Заволжского райкома КПСС г. Ульяновска.

8. ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 87. Д. 131. Л. 13–15. Информация Мелекесского райкома КПСС.